

Глава 2

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»: ЭКОНОМИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД

Вступление человечества в эпоху глобализации сопровождается наращиванием темпов экономической, финансовой, информационной, культурной и политической универсализации мира. Главной составной частью данного процесса стала так называемая «третья волна» демократизации, развернувшаяся в последней четверти XX в. Как констатирует один из крупнейших социологов современности Э. Гидденс: «...За распространением демократии стоит глобализация»¹. Бесспорно, мощный подъем демократической волны, охвативший значительную часть стран мира, продемонстрировал радикальный сдвиг в общественном сознании, который выразился в стремлении народов, находящихся на разных уровнях экономического и культурного развития, покончить со своим диктаторским прошлым. В то же время активная динамика и беспрецедентные масштабы «третьей волны» способствовали распространению как в массах, так и среди политических элит чрезмерного оптимизма по поводу перспектив процесса демократических преобразований.

Однако сегодня, в середине второго десятилетия XXI в., эти перспективы выглядят не столь однозначными. Для большинства стран «новой демократии» переходный период стал временем расставания с завышенными ожиданиями и глубокого общественного разочарования достигнутыми социальными и экономическими результатами, что вылилось в распространение «авторитарной ностальгии» и дальнейшую политическую стагнацию. Остроумно сравнивая эти страны с серферами, еще недавно скользившими по демократической волне в направлении свободы, Ф. Шмиттер вполне оправданно

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004. С. 21.

заметил, что «теперь, когда будущее новых режимов кажется менее предсказуемым, привлекательность общей цели уступила место осознанию не только того, что консолидация демократии является гораздо более трудной задачей, чем переход от автократии к демократии, но и того, что не все общепризнанные демократические серферы стремились приплыть на один и тот же пляж»¹.

Действительно, современная эпоха радикально отличается от предшествующих с точки зрения расширения политического участия и распространения демократических политических институтов. Ушли в прошлое практически все абсолютные монархии, ликвидирована система колониализма, прекратили существование мобилизационные идеологические диктатуры и жесткие авторитарные режимы. Прогресс демократии в мире за последние четыре десятилетия, на первый взгляд, также представляется неоспоримым. Так, по данным «Freedom House» с 1973 по 2010 г. число свободных стран выросло с 43 до 87, а их доля в мире составила 45%, число же несвободных сократилось с 69 до 47, составив 24% стран мира². Однако уже с середины 90-х гг. стали отмечаться признаки спада демократической волны, выразившиеся в снижении темпов роста доли свободных стран и, что особенно показательно, в расширении к самому началу XXI в. до 30% доли частично свободных стран. Опираясь на указанные данные, известный транзитолог Л. Даймонд отмечал явно поверхностный характер демократической волны, подчеркнув, что «если абстрагироваться от некоторых достойных внимания исключений, общая тенденция развития последнего десятилетия, коснувшаяся, прежде всего влиятельных в региональном масштабе стран, заключается в постепенном угасании свободы в электоральных демократиях»³. Добавим к этому, что рейтинги «Freedom House» демонстрируют только степень формальной институционализации гражданских свобод и политических прав, оставляя за рамками внимания вопрос

¹ Шмиттер Ф. Более либеральная, предлиберальная или постлиберальная? // Русский журнал. — 1997. — 28 октября. — URL: <http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm>.

² См.: Freedom in the World 2011 // Freedom House: Reports. — URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2011>.

³ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования. — 1999. — № 1. — С. 18.

об их реализации на практике. Поэтому можно предположить, что делиберализация «новых демократий» к началу XXI в. имеет более широкие масштабы, чем представляется на первый взгляд.

Для политических режимов, определяемых в качестве «электоральных демократий» или «нелиберальных демократий», характерно то обстоятельство, что правительство на основе демократической конституции гарантирует проведение регулярных выборов, допускает ограниченную деятельность политической оппозиции, но не придает большого значения обеспечению гражданских свобод. В условиях подобных режимов типичным является создание партийных систем с преобладанием пропрезидентской партии, сочетание многопартийной состязательности со слабым парламентом, низкий общественный спрос на свободу, политическое участие, направляемое правящими элитами в контролируемое ими русло формального электорализма, стремление избранных президентов продлить сроки пребывания на своем посту, низкий уровень массового политического доверия. Таким образом, на рубеже XX и XXI вв. значительная часть стран «третьей волны» оказалась в промежуточной зоне «электоральных демократий», представляя собой либо режимы безответственного плюрализма, либо режимы доминирующей партии. Если для первых характерна острая конкуренция оторванных от жизни общества элитных групп, борющихся за политический контроль над ресурсами, то для вторых — сосредоточение этого контроля в руках одной правящей группы, которой противостоит слабая оппозиция. По мнению некоторых современных исследователей, такие политические режимы являются естественным и долгосрочным состоянием для большинства стран «новой демократии» и «должны рассматриваться как альтернативные направления, а не как станции на пути к либеральной демократии»¹.

Многообразие траекторий развития политических режимов стран, охваченных «третьей волной» демократизации, невысокая степень подтверждения практикой трансформаций транзитологических концепций, популярных в начале 90-х гг., актуализируют задачу исследо-

¹ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. — 2003. — № 2. — С. 56.

вания причин «замерзания» большинства молодых демократий в нелиберальном состоянии. Вместе с тем становится очевидным, что теоретическое осмысление итогов «третьей волны» должно быть ориентировано не столько на объяснение провалов демократических переходов, сколько на формирование методологии проектирования политических процессов в обществах переходного типа с целью минимизации как политических, так и социально-экономических издержек развития.

Сравнительный анализ случаев успешной и неуспешной демократизации в последней четверти XX в. в странах различных макрорегионов показывает, что шансы на достижение консолидированной демократии зависели прежде всего от степени социально-экономического, политического и культурного развития переходных обществ. Отдавая должное роли субъективного фактора как прагматичного взаимодействия реформаторов из правящего блока и умеренных представителей оппозиционной элиты в деле либерализации диктатур и последующей демократизации, следует все-таки признать, что действие данного фактора оказалось явно недостаточным для обеспечения стабилизации демократического порядка. На ошибочность элитоцентричной детерминистской концепции указывают многие современные исследователи. И можно, в частности, согласиться с утверждением Р. Инглхарта и К. Вельцеля, согласно которому «из этой концепции следует парадоксальный вывод, что в условиях демократии предпочтения масс фактически не имеют значения, хотя сама сущность демократии состоит в том, что дело обстоит *ровно наоборот*»¹. Как видится сегодня, именно такие объективные предварительные условия, как развитая рыночная экономика, сложная социальная структура, минимальный опыт политического плюрализма, зачатки гражданской политической культуры вкупе с прочностью чувств национальной идентичности обеспечили устойчивость большинства молодых демократий в поставторитарных странах Южной Европы и Латинской Америки. Слабая выраженность названных факторов в посткоммунистических странах Восточной Европы и практически полное их отсутствие в постсоветских госу-

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М., 2011. С. 243.

дарствах способствовали возникновению тех или иных разновидностей нелиберальной демократии.

Ограниченный прогресс «новых демократий» в деле консолидации способствовал оживлению несколько угасшего в 70–80-е гг. XX в. интереса к теории модернизации. Прежде всего, внимание исследователей было привлечено к ее основному тезису о том, что социально-экономическое развитие, как впрочем, и упадок, ведут к закономерным и даже предсказуемым изменениям культуры общества и к последующей трансформации его политической системы. Так, общепризнанным, хотя и критикуемым в науке, остается тезис С. Липсета о том, что «чем богаче государство, тем выше вероятность того, что в нем будет поддерживаться демократия»¹. В своей книге «Политический человек: социальные основы политической жизни», опубликованной в 1960 г., С. Липсет выдвинул и обосновал гипотезу о том, что экономический рост на основе рыночных принципов, обеспечивающий массовое благосостояние, способствует возникновению и расширению средних слоев, которые со временем становятся главной антиавторитарной силой, а в дальнейшем — социальной опорой либеральной демократии. Рыночный экономический рост дает возможность частному бизнесу, а впоследствии — и гражданскому обществу в целом, обрести экономическую автономию от государства, которому в этих условиях приходится все больше считаться с обладателями расширяющихся разнообразных ресурсов, ориентироваться на потребности общества, соблюдать его права. К тому же преодоление социально-политической нестабильности по мере роста общественного благосостояния лишает диктатуры авторитарного типа тех аргументов, которые ранее служили оправданием их господства. «Продолжительный экономический успех, — подчеркивают Х. Линц и А. Степан, — может способствовать осознанию того, что исключительные принудительные меры недемократического режима более не являются необходимыми и могут, вероятно, подорвать устойчивость нового экономического процветания»². Опыт европей-

¹ Липсет С.М. Политический человек: социальные основы политической жизни // Теория и практика демократии. Избранные тексты. — М., 2006. С. 46.

² Linz J.J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. — Baltimore, 1996. P. 78.

ской истории, практика некоторых развивающихся стран и отдельные примеры стран «третьей волны» подтверждают вывод о том, что повышение среднедушевого дохода, закрепляющее относительное социальное благополучие, а также рост информированности и образовательного уровня населения подпитывают интерес граждан к политике и стимулируют политическую активность, нацеленную на защиту политических прав гражданских свобод.

Тезис С. Липсета в основном нашел свое подтверждение в масштабном статистическом исследовании А. Пшеворского, М.Е. Альвареса, Х.А. Чейбуба и Ф. Лемонджи «Демократия и развитие: политические институты и благосостояние в мире, 1950–1990», опубликованном в 2000 г. В частности, в работе приведены данные о том, что в странах, где доход на душу населения не превышал 1000 долларов, диктатуры стабильно существовали в неизменном виде. При среднедушевом доходе от 1001 до 4000 долларов диктатуры становились менее устойчивыми, что открывало возможность перехода к демократии. В диапазоне же от 4001 до 7000 долларов демократии стабилизировались, приобретая признаки консолидированных. «Действительно, — констатируют авторы исследования, — независимо ни от чего, ни одна демократия не была ниспровергнута — ни в исследуемый нами период, ни до, ни после — в стране, где доход на душу населения был выше, чем в Аргентине в 1975 г.: 6055 долларов»¹. Однако, как показали те же исследования, превышение планки в 7000 долларов запускает обратную тенденцию — вероятность выживания диктатур возрастает.

Если обратиться к примерам поставторитарных стран Южной Европы, то нетрудно заметить, что их успешная демократическая трансформация реализовывалась тогда, когда уровень доходов на душу населения приближался к указанным авторами исследования показателям. Практика демократических переходов в посткоммунистических государствах Восточной Европы также подтвердила выявленную зависимость — стабилизация демократического порядка происходила быстрее в странах с более высоким среднедушевым доходом. Тем не менее,

¹ Пшеворский А., Альварес М.Е., Чейбуб Х.А., Лимонджи Ф. Экономическое развитие и политические режимы // Теория и практика демократии. Избранные тексты. — М., 2006. С. 93–94, 95.

сравнивая переходные процессы как в поставторитарных, так и в посткоммунистических странах, можно заметить, что корреляция между экономическим развитием и становлением консолидированной демократии не носит прямого характера. Как подчеркивают А. Пшеворский и его коллеги, «смысл не в том, что демократия с большей вероятностью возникает, когда страна с авторитарным правлением переживает экономический подъем, а в том, что демократия с большей вероятностью выживает в уже развитых странах — независимо от того, как эта демократия появилась»¹. Данный тезис важен в плане выработки методологического подхода к проектированию политических процессов в странах «новой демократии», так как он определяет диапазон экономико-культурных характеристик общества, способных обеспечить устойчивый либо ограниченный спрос на свободу как условие стабильности демократического правления.

Основы экономико-культурного подхода к анализу политических процессов были заложены в работах американского социолога и политолога Р. Инглхарта, посвященных изучению изменений человеческих ценностей в ходе экономического развития и политических последствий этих изменений. Разработка концепции культурного сдвига, начатая Р. Инглхартом в 70-е гг. XX в., представляла собой попытку осмысления феномена стремительного роста в конце 60-х гг. протестных настроений и движений в молодежной среде европейских стран, прежде всего во Франции, Италии и ФРГ. Как известно, к этому времени страны Западной Европы уже благополучно преодолели последствия второй мировой войны, не только восстановив разрушенную промышленность, но и заметно повысив уровень жизни большей части населения за счет последовательного проведения правительствами курса на развитие социально ориентированной рыночной экономики. Согласно концепции Р. Инглхарта, под влиянием этих экономических и социальных перемен в западноевропейских странах в 70-е гг. произошла «тихая революция», когда в процессе смены поколений материалистические цели, сводящиеся к обеспечению экономической и физической защищенности

¹ Пшеворский А., Альварес М.Е., Чейбуб Х.А., Лимонджи Ф. Экономическое развитие и политические режимы // Теория и практика демократии. Избранные тексты. — М., 2006. С. 96.

индивида, стали постепенно вытесняться целями пост-материалистическими, связанными с укреплением гарантий свободы самоопределения личности.

Для обоснования своего предположения Р. Инглхарт, как известно, выдвинул две основные гипотезы: «гипотезу дефицита» и «гипотезу социализации». Согласно первой из них, в условиях недостатка материальных ресурсов люди озабочены своим выживанием. По мере же достижения определенного уровня благополучия и тем более изобилия, когда возникает субъективное ощущение безопасности, они переключают свое внимание на самовыражение. В соответствии со второй гипотезой преодоление дефицита материальных ресурсов означает не автоматическое, а постепенное продвижение от ценностей выживания к ценностям самовыражения, так как основу социального поведения формируют все-таки базисные ценности, усвоенные в процессе социализации в детстве и юности. Вместе эти две гипотезы могут служить надежным средством прогнозирования темпов и масштабов изменения массовых ценностных ориентаций и направлений развития политической ситуации. «Через десять-пятнадцать лет после начала периода экономического благосостояния в ряды электората начинают вливаться представители возрастных когорт, чья личность формировалась в условиях процветания, — отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель, — Еще через десять-двадцать лет они начнут выполнять функции членов элиты»¹. Поэтому в историческом плане последовательное расширение в обществе доли носителей постматериалистических ценностей ведет к закреплению в массовом сознании приоритета политических прав и гражданских свобод, к стремлению граждан принять непосредственное участие в выработке политического курса, что, в свою очередь, способствует укреплению демократических институтов.

Культурный сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения и последующие изменения в политической культуре стали, по мнению Р. Инглхарта, результатом перехода общества к постиндустриальной фазе экономического развития, признаком которой является возрастание материальной, интеллектуальной и социальной автономии индивида. Как было показано

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 151–152.

выше, мощная система социального обеспечения государства всеобщего благосостояния, созданная в ходе становления постиндустриальной экономики, позволила человеку выдвинуть на первый план жизненные цели, непосредственно не связанные с его экономической и физической безопасностью. Вместе с тем постиндустриальный тип экономической системы, порождающий спрос на массового работника, способного к решению аналитических задач и самостоятельному принятию решений, способствовал росту числа независимых в своих суждениях и оценках индивидов. Наконец, стиль организации производства в постиндустриальной экономике наложил отпечаток на общественные отношения в виде изменения мотивов солидарности, укрепления тенденции к диверсификации социальных контактов человека и преодоления им прежней групповой замкнутости. Указанные три фактора, действующие в совокупности, формируют основу мировоззрения и поведения индивида, склонного к независимому и более критическому восприятию институтов и норм социального контроля. «Этот процесс эмансипации, — подчеркивают Р. Инглхарт и К. Вельцель, — дает людям ощущение самостоятельности, в результате чего они начинают придавать большее значение свободе выбора и менее склонны безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим “общепринятым истинам”»¹.

Акцент, сделанный исследователями на взаимосвязи материальной, интеллектуальной и социальной автономии индивида, имеет существенное значение для понимания направлений социокультурного и политического развития обществ. Так, достижение высокого уровня доходов населения за счет экспорта сырьевых ресурсов, что характерно, в частности, для нефтедобывающих стран Арабского Востока, не служит импульсом для распространения ценностей самовыражения. Разбогатев, эти государства остались авторитарными, ибо их экономика развивалась не по капиталистическому пути. Наличие доминирующей сырьевой отрасли, обслуживаемой зачастую иностранной рабочей силой, — свидетельство отсутствия прогресса в деле экономической модернизации как процесса создания дифференцированной индустриальной рыночной системы.

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 52.

В социальной сфере это означает сохранение традиционных отношений и отсутствие массовых «новых» социально-профессиональных групп, для культуры которых в силу их взаимодействия в рыночной экономике характерно ослабление чувств коллективизма и усиление индивидуалистических настроений, близких по своей природе к ценностям самовыражения. Главным образом речь идет о неразвитости предпринимательской буржуазии — класса, по своей природе ориентированного на разрушение традиционного политического порядка и создание государственной системы, способной защитить права собственности, свободу бизнеса и продажи рабочей силы. Покупая «современность» в виде экономической и социальной инфраструктуры, созданной в других странах мира, «нефтяные» общества консервируют свою социально-экономическую и социокультурную неразвитость.

В то же время сосредоточение доходов от экспорта нефти в руках узкого правящего клана и содержание коренного населения за счет природной ренты также препятствуют развитию социальной индивидуализации, блокируя зарождение в сознании индивида ощущения личной независимости и порождая социально-политическую пассивность. Как известно, исторически именно борьба за политическое представительство в обмен за выплату налогов заложила основу демократической государственности и современных мотивов ее легитимации. Отсутствие необходимости сбора налогов в условиях сверхдоходов от продажи нефти позволяет правящим элитам прочно удерживать общество в состоянии политического инфантилизма. Действие указанных факторов, усиленное влиянием исламской религиозной традиции, обеспечивает сохранение в странах-рантье Персидского залива неотрадиционалистских режимов, исключая какие-либо проявления демократизации сферы политических отношений.

Отмеченная тенденция взаимосвязи незаработанного богатства с экономической и политической неразвитостью может рассматриваться как универсальная, поскольку она достаточно отчетливо наблюдается во всех странах, чье благополучие строится в основном на обладании значительными минеральными и топливно-энергетическими ресурсами. В странах, где подобные

сырьевые ресурсы отсутствуют, условиями материального процветания, напротив, могут стать лишь рыночная экономическая эффективность и политическая гибкость дифференцированных правящих элит.

Однако доиндустриальных стран-рантье, законсервировавших у себя традиционные социально-политические отношения, не так много. Большинство государств современного мира могут быть названы индустриальными обществами либо движущимися в этом направлении в процессе модернизации. Поэтому основные положения своей теории Р. Инглхарт формулирует в ходе сравнительного анализа воздействия индустриальной и постиндустриальной фаз развития на массовые ценностные ориентации, отмечая, что оба эти этапа вели к специфическим изменениям политической культуры общества. «Индустриальная стадия модернизации, — пишет исследователь, — приводит к *секуляризации* власти, а постиндустриальная стадия — к *эмансипации* от власти»¹.

Действительно, результатом модернизации явилась секуляризация культуры, так как индустриализация, ослабившая зависимость человека от природы, способствовала существенному ограничению роли религии и церкви в общественной жизни. В то же время процессы экономической модернизации и социальной мобилизации стимулировали рост популярности рационалистических представлений о социальной и политической организации общества, вылившихся в стремительное расширение политического участия. Однако, как известно из истории, политическая активизация масс и формирование политических систем в ходе становления индустриального общества далеко не всегда заканчивались установлением стабильного режима полиархии. Значительная часть стран, осуществлявших в XIX—XX вв. переход от доиндустриального общества к индустриальному, использовали систему открытой гегемонии в качестве средства регуляции процесса политической мобилизации и поддержания стабильности власти. В этой связи следует, безусловно, согласиться с Р. Инглхартом и К. Вельцелом в том, что «индустриализация с примерно одинаковой вероятностью порождает как демократические, так и авторитарные формы такого (политиче-

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 46.

ского — С. Ч.) участия»¹. Иными словами, массовый характер секулярно-рациональных ценностей сам по себе не являлся предпосылкой успешной демократизации, а срабатывал только в условиях относительно развитых еще в доиндустриальную эпоху элементов социально-экономического плюрализма как основы индивидуалистической культуры.

Эту проблему поднимал в свое время классик теории демократии Р. Даль, когда выделял два типа доиндустриального общества: традиционное крестьянское и свободное фермерское. Первое, по его мнению, характеризовалось крайним неравенством в распределении земли как главного богатства той эпохи, что предопределяло неравенство в обладании такими ресурсами политического влияния, как знание, статус, доход, возможность применения силы, и, соответственно, в использовании политической власти, которая поэтому приобретает характер закрытой гегемонии. Второе было отмечено более равномерным распределением земли, большим равенством в обладании указанными ресурсами, а следовательно, и в использовании политической власти, выступающей в облике конкурентной олигархии. По сравнению с системой совокупного неравенства система рассредоточенного неравенства способствовала формированию значительно более эгалитарных и демократических социально-экономических отношений, что и предопределило существенные различия политических культур этих двух типов доиндустриального общества.

Сосредоточение ресурсов в руках незначительного меньшинства, обрекавшее большинство на зависимое положение и препятствовавшее зарождению в массовом сознании ценностей индивидуализма, обеспечивало долгосрочную стабильность режима закрытой гегемонии. В то же время последовательное углубление изначального неравенства служило источником накопления социального недовольства и революционного разрыва с прошлым. Рассредоточение же ресурсов в достаточно широких социальных слоях, заложившее основу плюралистического общественного устройства и стимулировавшее распространение ценностей индивидуальных прав и свобод, ускорило переход к режиму конкурентной

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 95.

олигархии. Как отмечал Р. Даль, «в любом доиндустриальном обществе XIX в. с высоким уровнем конкурентной политики политические лидеры, по существу, придерживались стратегии, которая отдавала связанную с развитием инициативу на откуп неправительственным группам»¹. Успешная трансформация режимов конкурентной олигархии в полиархии в условиях достижения индустриальной фазы развития стала закономерным результатом культурной конвергенции в виде слияния ценностей рационализма и индивидуализма. Что же касается политической демократизации в традиционных крестьянских обществах, то она носила противоречивый и во многом поверхностный характер, так как прогресс в области секуляризации и рационализации массовой культуры не базировался на сколько-нибудь прочном фундаменте либеральной культуры.

Сравнение траекторий модернизации Великобритании и Германии позволяет не только объяснить отмеченные различия процессов политической демократизации в индустриальных обществах XIX—XX вв., но и дать ключ к пониманию проблем консолидации современных «новых демократий». Ранняя экономическая и социальная дифференциация английского общества обеспечила возникновение экономически влиятельного и политически независимого класса предпринимательской буржуазии, выросшего и окрепшего в условиях конституционного либерализма. Укоренившиеся внутри этого класса нормы и ценности конкурентной политики в дальнейшем, по мере углубления социально-экономической и культурной модернизации, получили распространение в других социальных группах, что позволило им стать адекватными участниками демократического политического процесса. «Система взаимной безопасности и терпимости, — отмечал, в частности, Р. Даль, — с большей вероятностью разовьется в небольших элитных группах, имеющих схожее представление о будущем, чем среди обширной и неоднородной группы лидеров, представляющих различные социальные слои с многообразием целей, интересов и мировоззрений»². Иными словами, демократизация политической сферы через расширение

¹ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. — М., 2010. С. 88.

² Там же. С. 46.

избирательных прав происходила по мере укоренения в массовом сознании «рыночной культуры». В этой связи следует напомнить, как А. де Токвиль настаивал на следующем: «Среди законов, управляющих человеческим обществом, есть один абсолютно непреложный и точный. Для того чтобы люди оставались или становились цивилизованными, необходимо, чтобы их умение объединяться в союзы развивалось и совершенствовалось с той же самой быстротой, с какой среди них устанавливается равенство условий существования»¹.

Многие классики политической теории, говоря об условиях, которые благоприятствовали бы выживанию демократии, особо выделяли последовательность процессов политической модернизации. В отличие от Великобритании, в Германии более поздняя экономическая модернизация, инициированная и направляемая государством под руководством аристократической элиты, не могла стать стимулом для появления автономного и сильного делового класса и широкого распространения в обществе либеральных настроений. В условиях сохранявшегося полутрадиционного общества с далеко еще не «рыночной культурой» существенное расширение избирательных прав в конце XIX в. и переход к всеобщему избирательному праву после создания Веймарской республики означали явное нарушение логики процесса модернизации. Политическое равенство резко расширилось тогда, когда «искусство совместной жизни» в виде массового принятия прав личности как ценности находилось на весьма низком уровне, что привело лишь обострению социально-политической обстановки в стране, испытывающей к тому же экономические тяготы Великой депрессии. Победа на парламентских выборах 1933 г. и приход к власти нацистов стали закономерным итогом этого процедурно-культурного синдрома. Поэтому можно сказать, что крах Веймарской республики произошел не вопреки, а именно благодаря демократизации политических отношений после революции в ноябре 1918 г.

На фоне британского и германского примеров более понятным становится и противоречивое политическое развитие Франции со времен Великой революции вплоть до середины XX в. То обстоятельство, что более

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 371.

чем полуторавековая история этой страны была отмечена несколькими авторитарными откатами, а окончательная стабилизация демократического режима произошла только в период Пятой республики, говорит о том, что к моменту осуществления революции 1789 г. политическая культура французского общества в крайне ограниченных масштабах вобрала в себя ценности конституционного либерализма. Как весьма точно отмечает по этому поводу Ф. Закария, во Франции «государство оказалось выше общества, демократия — выше конституционализма, а равенство — выше свободы»¹.

Европейские примеры свидетельствуют, что стабильность либеральной демократии зависела от того, насколько в общественном сознании к моменту начала демократизации политической сферы успели укорениться такие принципы конституционного либерализма, как верховенство права, разделение властей, гарантии экономической, социальной и культурной свободы личности. Подтверждением данной зависимости выступает тот факт, что для многих постколониальных стран, главным образом на африканском континенте, стремительная демократизация после обретения независимости закончилась не консолидацией «молодой демократии», а откатом к ограничивающей хаос и нестабильность диктатуре, порой более жесткой, чем прежний колониальный режим. Та же тенденция обнаружилась и в ходе «третьей волны» в виде проблем консолидации «новых демократий». Как отмечает М. Чеж, анализируя процесс демократизации в Африке уже в 90-е гг., «многие страны сделали слишком сильный акцент на многопартийных выборах как фундаменте демократии и соответственно пренебрегли основными принципами либерального правления»². На этом фоне выбор большинством восточноазиатских стран модели развития, которую можно охарактеризовать формулой «экономика впереди политики», представляется более оправданным в плане перспектив перехода к стабильной либеральной демократии, так как, по сути, она воспроизводит в несколько измененном виде схему

¹ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. — М., 2004. С. 59.

² Чеж М. Африка: между полюсами // Русский журнал. — 1997. — 24 ноября. — URL: <http://old.russ.ru:8080/journal/predely/97-11-24/chege.htm>.

«сначала — конституционный либерализм, а потом — демократизация».

В целом же, как показала практика, те страны «третьей волны», в которых к началу кризиса диктатур уже сложились достаточно широкие слои носителей ценностей самовыражения, сумели успешно осуществить демократический переход и закрепиться в числе либеральных демократий. Другие же страны, где отход от диктатур предпринимался в условиях доминирования в массовом сознании ценностей выживания, пополнили группу нелиберальных демократий. «Значительное продвижение по демократическому пути произошло лишь в тех странах, где спрос на свободу превышал предложение, — констатируют Р. Инглхарт и К. Вельцель. — Кроме того, практически ни в одном из государств, где этот спрос превышал предложение, не произошло существенного отката от демократии»¹.

Однако, при всей значимости показателей социально-экономического развития в определении уровня спроса на свободу, важной вмешивающейся переменной выступает фактор историко-культурного наследия в виде религиозных традиций и характера предшествующего политического режима, обеспечивающий своеобразие ценностных систем, несмотря на темпы социально-экономического роста. Так, не утратила актуальности высказанная М. Вебером идея о том, что капиталистический способ организации социальной жизни воспринимается весьма неоднозначно различными религиозными доктринами². Говоря о культурном наследии недемократических режимов, можно с уверенностью утверждать, что сочетание высоких показателей секулярно-рациональных ценностей с низкими показателями ценностей самовыражения, типичное для посткоммунистических стран, выступает следствием предшествующей идеологизации массового сознания. Культурное же наследие авторитарного режима нередко сочетает ограниченные показатели секулярно-рациональных ценностей с достаточно высокими показателями ценностей самовыражения, что является

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 277.

² Подробнее см.: Вебер М. Антикритическое послесловие к «Духу капитализма» // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3. — С. 149–164.

результатом предшествующего продвижения по капиталистическому пути развития.

Общеизвестно, что во всех странах «третьей волны» начальный этап демократического перехода, который был отмечен политической активизацией масс, выступавших против диктатуры, сменился этапом разочарования результатами политики новых властей. Между тем степень и характер этого разочарования заметно различались именно в силу особенностей предшествующего диктаторского режима. В поставторитарных обществах социальные издержки экономического курса правительства, как правило, стимулировали рост противоэлитной политической активности при сохранении доверия к демократической системе правления. В посткоммунистических же обществах они спровоцировали резкое падение политического доверия и самоустранение людей из политической жизни. Данный социально-политический феномен служит подтверждением высказанного выше тезиса о том, что авторитарная модель развития способствовала частичному закреплению в массовом сознании ценностей самовыражения, в то время как тоталитарная — преимущественно ценностей выживания.

Однако, учитывая то обстоятельство, что посткоммунистические страны не представляли собой однородную группу в плане становления и развития тоталитарного режима, можно говорить об ограниченном проявлении в их рамках ценностей самовыражения. Если в ряде стран Восточной Европы предшествовавший тоталитаризму исторический период в какой-то мере заложил основы индивидуалистической культуры, то таковые полностью отсутствовали в регионах, вошедших в состав СССР. На эту специфику обращают внимание Р. Инглхарт и К. Вельцель, выделяя, с точки зрения степени закреплению в культуре общества ценностей самовыражения, западные коммунистические страны с католической и протестантской религиозными традициями и восточные коммунистические страны с православной и мусульманской религиозными традициями. «В Румынии, Болгарии и России, — констатируют исследователи, — ценности самовыражения распространены слабее, чем в Чешской Республике, Польше и Словении; и если в первых противоэлитная активность после перехода к демократии пошла на спад, то в последних ее масштабы, напротив,

увеличились»¹. Поэтому можно утверждать, что выживаемость «новых демократий» определяется тем, насколько высок в обществе культурно обусловленный спрос на свободу, а следовательно, и тем, насколько поддержка демократического режима связана преимущественно с эмоциональными или преимущественно инструментальными мотивами. Если гражданские свободы и политические права воспринимаются людьми на эмоциональном уровне как высшая ценность, а не как инструмент достижения материального благополучия, что отражает преобладание ценностей самовыражения над ценностями выживания, доверие к демократии сохранится в условиях снижения эффективности правления и нарастания социального недовольства. Обратная ситуация, характеризующаяся преобладанием ценностей выживания над ценностями самовыражения и проявлением утилитарного отношения к демократии, предполагает в тех же условиях сокращение доверия к ней и спад массовой политической активности.

Отмеченные особенности массового политического поведения в поставторитарных и посткоммунистических странах находят отражение в степени участия в добровольных организациях, выступающих в качестве одного из главных каналов проявления гражданской активности. По данным проекта Мирового исследования ценностей (WVS) в конце 90-х гг. XX в. средний показатель вовлеченности во всевозможные общественные организации на одного человека составлял в странах старой демократии 2,39, в поставторитарных – 1,82, в посткоммунистических – 0,91², что ярко демонстрирует неразвитость культуры автономного участия, прежде всего, в странах последнего из указанных типов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проектирование политических процессов в странах «новой демократии» должно осуществляться, исходя из складывающегося на каждом новом этапе развития этих обществ соотношения между уровнем институционального предложения демократии и культурно обусловленным спросом на свободу, обеспечивая тем самым поддержание как эффективности, так и ответственности правления.

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 186–187.

² См.: Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М., 2009. С. 82.

Литература

Вебер М. Антикритическое послесловие к «Духу капитализма» [Текст] / Макс Вебер // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999. – № 3. – С. 149–164.

Гидденс, Э. Ускользающий мир [Текст]: как глобализация меняет нашу жизнь / Энтони Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.

Даймонд, Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? [Текст] / Л. Даймонд // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 1. – С. 10–25.

Даль, Р. Полиархия: участие и оппозиция [Текст] / Роберт Аллан Даль. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 287 с.

Закария, Ф. Будущее свободы [Текст]: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Фарид Закария. – М.: Ладомир, 2004. – LIV, 326 с.

Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия [Текст]: последовательность человеческого развития / Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 462 с.

Карозерс, Т. Конец парадигмы транзита [Текст] / Т. Карозерс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 42–65.

Липсет, С.М. Политический человек: социальные основы политической жизни [Текст] / Сеймур Мартин Липсет // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. С. 46–53.

Пшеворский, А. Экономическое развитие и политические режимы [Текст] / Адам Пшеворский, Майкл Е. Альварес, Хосе Антонио Чейбуб, Фернандо Лимонджи // Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. С. 92–96.

Токвиль, А. де. Демократия в Америке [Текст] / Алексис де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

Ховард, М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе [Текст] / Марк М. Ховард. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 190 с.

Чеж, М. Африка: между полюсами [Электронный ресурс] // Майкл Чеж // Русский журнал. – 1997. – 24 ноября. – Режим доступа: <http://old.russ.ru:8080/journal/predely/97-11-24/chege.htm>.

Шмиттер, Ф.К. Более либеральная, предлиберальная или постлиберальная? [Электронный ресурс] // Филипп

К. Шмиттер // Русский журнал. – 1997. – 28 октября. –
Режим доступа: [http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/
shmitter.htm](http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm).

Freedom in the World 2011 [Electronic resource] / Freedom
House // Freedom House: Reports. – Mode of access: [https://
freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2011](https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2011).

Linz, J.J. Problems of Democratic Transition and Consolida-
tion [Text]: Southern Europe, South America, and Post-Communist
Europe / Juan J. Linz, Alfred Stepan. – Baltimore: Johns Hopkins
University Press, 1996. – x, 479 p.